

душе моей, чем более **во мне доводов противных**). Течение времени требует признания, в том что «**доводов противных**» становится больше, а не меньше.

Тем драгоценней для Достоевского минуты, когда «**всё ясно и свято**», тем отраднее ему «**верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа**». Он на своем опыте убедился в том, как прекрасна, глубока, симпатична, разумна, мужественна, совершенна может быть христианская любовь. Здесь все слова на своем месте, и всё наполнено реальным смыслом и проверено личной практикой. Он мог еще сказать, что эта любовь — отважна, самоотверженна, сострадательна, что она не ищет своего. Ничего лучше этой любви и этой истины **нет и не может быть**. Он, дитя неверия и сомнения, до сих пор и до самого своего конца, знает это достоверно, потому что испытал минуты совершенного покоя, когда его оставляют мучительные доводы отрицания, когда он **любит сам и любим** другими.

Христос и никто другой — вот что означает символ веры 1854 года. Христос — **навсегда**, Христос — в те самые минуты покоя, любви, ясности и святости, которые посылает ему **иногда** Бог. Христос, который **принят в сердце** им, человеком эпохи, полной неверия и сомнения, каким он, Достоевский, обречен оставаться всю жизнь, до гробовой крышки. С Христом — до конца, до смертного часа. С Христом, **с Ним, а не против Него** — во что бы то ни стало и чтобы там ни было.

Итак, шесть определений Христа, которые повергают в недоумение людей авторитарно-трансцендентного, как сказал Бердяев, типа религиозности. Шесть определений, которые замечательно характеризуют идеального человека. Шесть определений, которые разительно отличаются от сущностных признаков Бога: всемогущего, всеведующего, всезнающего, всеблагого, всепрощающего, милосердного, доброго, вечного, милостивого, бессмертного, святого; Спасителя, Искупителя, Исправителя, Человеколюбца...

Но потому-то Достоевский и принял в свою душу Христа как Бога, поскольку сумел полюбить Его как абсолют человека. Свое ощущение Бога, и свое чувство «сияющей личности Христа» Достоевский вынес с каторги. Ведь именно в эти четыре года он читал Евангелие — **только одно Евангелие**, единственную книгу, разрешенную в тюрьме. Он мальчика-татарина учил читать по Евангелию*, по Нагорной проповеди. Он умилялся, когда старшие братья мальчика говорили об Исе-пророке словами Корана, что Иса «делал великие чудеса; что он сделал из глины птицу, дунул на нее, и она полетела... и что это и у них в книгах написано» (4; 54).

«Я только там и жил здоровой, счастливой жизнью, я там себя понял, голубчик... **Христа понял...** русского человека понял и почувствовал, что и я сам русский, что я один из русского народа. Все мои самые лучшие мысли приходили тогда в голову, теперь они только возвращаются, да и то не так ясно»³¹. Это признание было сделано

³¹ См. «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников». В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 199—200.

* См. фрагмент «Записок из Мертвого дома»: «У меня был русский перевод Нового завета — книга, не запрещенная в остроге...» (4; 53—54).